

Екатерина Мурашова. С вашим ребенком все в порядке (отрывок)

Глава 2

Гриша - ребенок-катастрофа

В ответ на робкий стук в дверь я выглянула в коридор и увидела там троих людей - в том, что они родственники, не могло быть никаких сомнений. Одинаковые широко расставленные зеленые глаза, абсолютно прямые непокорные волосы, круглые головы, широкие плечи...

Ширококостная, сильная на вид старуха, моложавая женщина с печатью какой-то непонятной усталости на лице и синевой вокруг глаз и мальчишка лет шести-семи, склонивший набок растрепанную голову и глядящий на меня с лукавым видом.

- Гриша? - я заглянула в листочек самозаписи. - Проходите, пожалуйста...

- Я одна зайду, - торопливо сказала Гришина мама.

- Да заходите все, - радушно предложила я. - Мы поговорим, а Гриша пока поиграет. У меня там игрушек много...

- Нет, нет! - с непонятным испугом вскрикнула молодая женщина. - Я зайду, а Гриша тут с бабушкой... побегает.

Я кивнула, а про себя подумала: что бы там ни было с ребенком, а с мамой явно не все в порядке. Этот ее испуг... Да и представить себе крестьянского вида бабушку, бегающую с внуком по коридору, я не могла ни при каком напряжении фантазии...

В кабинете мама слегка расслабилась, поерзала в кресле, усаживаясь поудобнее, застенчиво взглянула мне в глаза и тихо сказала:

- Я понимаю, доктор, что это нехорошо, но я уже больше так не могу. Иногда я думаю, пусть бы он больной был. Тогда бы я его жалела, ухаживала бы за ним... А так... Он же хороший вообще то мальчик, и меня любит, а я... я иногда думаю: пусть бы его не было! Это же грех великий, доктор, так думать, правда?

- Да, конечно, - несколько смущенно подтвердила я, поскольку вообще-то как атеистка, не могу мыслить категориями "греха". Но и момент для уточнения дефиниций был явно неподходящий. - Расскажите поподробней, что именно тревожит вас на сегодняшний день...

- На сегодняшний день его выкинули из школы, - печально сообщила Гришина мама.

Далее мне было рассказано следующее.

Гриша родился долгожданным и заранее любимым ребенком. В большой "сталинской" квартире ему была заранее приготовлена и украшена кружевными занавесочками очаровательная кроватка; проглаженные с двух сторон пеленки, распашонки и чепчики стопочками лежали на полках старинного бельевого шкафа; свекор и свекровь с нетерпением ждали внука, готовые ради него наконец-то примириться с "деревенской" невесткой. Счастливый отец, никого не стесняясь, плакал от радости, когда медсестра из роддома положила ему на руки сына - белоснежный кокон, перевязанный голубой лентой.

Дальше потекли будни. Гриша почти ничем не болел, развивался в соответствии со всеми нормами. Единственное огорчение состояло в том, что глаженные пеленки и распашонки как-то не уживались с ним рядом. Из пеленок он выползал ужом, оборочки сжевывал или рвал и почти всегда находился в кроватке голым поверх комка смятых и собранных в кучку простынок, пеленок и одеялец. Даже памперсы каким-то образом умудрялся снимать. А когда годовалый Гриша выбрался из кроватки, начался кошмар.

- Первые шаги ребенка - это ведь радость в доме, - рассказывала Гришина мама. - А у нас как? У нас он сразу пошел на кухню (раньше его туда не носили: чад, запахи - это вредно для ребенка), придвинул табуретку к плите и сдернул на себя кастрюлю с кипящим супом. Крик, неотложка, ожоговое отделение... Такое вот начало...

Дальше все продолжалось в том же духе. Сказать о Грише, что он рос подвижным ребенком, - значит не сказать ничего.

Не было ни одной вещи в доме, которая могла бы чувствовать себя в безопасности, когда Гриша бодрствовал. Он доставал дедушкино белье из ящика в комод и надевал его себе на голову, он пускал в ванной кораблики из папиных деловых бумаг, он сделал грандиозный "бух!" из бабушкиной антикварной вазы. Два раза его увозили на неотложке с медикаментозным отравлением (второй раз он достал таблетки из внутреннего ящика дивана, куда спрятали аптечку после первого раза). Все члены семьи переводили дух только тогда, когда Гриша засыпал.

Ходили к врачам. Вызывали врачей на дом. Врачи выписывали успокаивающие травяные сборы и говорили: "Терпите!" Терпение свекра и свекрови лопнуло, когда Грише исполнилось три года и стало ясно,

что надеяться больше не на что. Скрепя сердце они разменяли свою престижнейшую жилплощадь на Московском проспекте и выделили молодым хорошую двухкомнатную квартиру. "Ты понимаешь, какая это жертва с нашей стороны?" - спрашивали они у сына (но так, чтобы невестка тоже слышала). "Понимаю", - отвечал сын и глядел на жену с немым укором.

Образованные люди, они читали соответствующие книги. Там было написано, что воспитывать таких детей нужно внимательно и терпеливо, приучая их к труду и сосредоточенности. Они пытались, но Гриша ни на чем не мог сосредоточиться больше одной минуты. Он был готов начать любое дело, соглашался на любую игру, но тут же бросал ее, чтобы начать другую. Общительный и веселый, Гриша легко шел на контакт со сверстниками, но любые игры с его участием быстро превращались в бессмысленную беготню. Приглашенный на дом психолог сказал, что нужно использовать метод "кнута и пряника", а в качестве "кнута" порекомендовал наказание неподвижностью. Наказанный Гриша сидел на диване и корчил рожи ровно до той секунды, пока мама не отводила от него глаз. Как только это происходило, он тут же с быстротой молнии утекал куда-то для следующих проказ. Шлепки и даже побои не оказывали вообще никакого действия. Отвопив свое, Гриша никогда не унывал и не обижался и ровно через пять минут после наказания мог подойти к матери и невинно спросить: "А теперь ты мне конфету дашь?"

Свекор как-то в шутку назвал Гришу "ребенок-катастрофа", и это прозвище настолько укрепилось за мальчиком, что даже он сам, когда его спрашивали: "Как тебя зовут?", отвечал: "Гришка-катастрофа".

В детском саду ни один ребенок не получал столько окриков, шлепков и наказаний, сколько Гриша. Когда изредка ему случалось заболеть гриппом или простудой, воспитательницы говорили матери с умоляющими нотками в голосе: "Вы уж поддержите его дома подольше. Подлечите как следует". Подтекст этих пожеланий просвечивал настолько явно, что матери становилось не по себе.

Одежда, игрушки и книги жили в Гришиных руках короткой, но яркой жизнью. Он ничего специально не рвал, не ломал, не пачкал и не терял. Все получалось само собой. Довольно часто терялся и сам Гриша. Стоило оставить его возле ларька, или заговорить со знакомой на улице, или отойти разменять деньги, и... от получаса до двух-трех часов лихорадочных метаний по соседним дворам и кварталам, звонки в справочную об автодорожных происшествиях и об увезенных скорой помощью. Два обращения в милицию. В одном случае Гришу в конце концов отыскал на чердаке вызванный с работы отец, в другом - торжествующе улыбающийся милиционер притащил разыскиваемого за шиворот. Пропажа была найдена в ближайшем казино, где люди восточной национальности предлагали Грише делать за них ставки, кормили его бутербродами с икрой, уверяли, что у мальчика счастливая рука, и предлагали милиционеру убедиться в этом самому. Уходить из казино Гриша очень не хотел, а милиционеру кричал: "Вы не имеете права!"

На лето Гришу отправляли к бабушке в деревню. Она прятала все городские одежды в сундук, одевала внука в сшитые за зиму на вырост две пары штанов и две рубахи из дерюги, и в этом немудреном облачении, босой, Гриша все лето носился где то с деревенскими пацанами, приходя в избу только поесть да поспать. Хотя нельзя сказать, что в деревне обходилось совсем без происшествий. В возрасте четырех лет Гриша упал с обрыва в речку. Деревенские малыши в страхе разбежались, и лишь случайно проходившие мимо мужики спасли мальчику жизнь. Однажды старшие ребята нашли в лесу неразорвавшийся снаряд времен Второй мировой войны. Как и следовало ожидать, именно Гриша вызвался положить снаряд в костер. К счастью, один из посвященных пацанов оказался ябедой и вовремя прибежал доложить Гришиным бабушке с дедом. Спустя два дня снаряд взорвала на старом выгоне специально вызванная бригада саперов.